

Недавно в деревне Пхеньян выкопали небольшой Бронзовый треножник. Говорили, что это погребальная утварь какого-то прежнего помещика, и местные жители расписывали находку на все лады.

— Эту штуку покрывал слой желтой земли толщиной в большой палец, а очковый барин в белом халате из города так тщательно протирал ее щеточкой, — отец Хуан Ваньтин показал пальцами цифру и сдавленно цыкнул сквозь зубы: — Как минимум вот столько!

— Ш-шесть тысяч?!

— Тьфу ты! По меньшей мере, — Хуан Шань сплюнул, и его белые зубы блеснули в улыбке, — шестьдесят тысяч.

В этих краях у подножия гор и у воды редко находили что-то древнее. Деревенский староста доложил наверх, волостной глава — еще выше, весть передавали по инстанции, и в итоге она даже попала в газетные новости.

Как раз стояла летняя пора каникул.

Хуан Ваньтин тащила выцветшую до белизны парусиновую сумку — самую модную вещь среди здешней детворы.

С румянцем во всю щеку она уселась напротив Чэнь Ихуань:

— Ихуань, ты знаешь? Древность, которую выкопали в деревне, забрали в музей, и какая-то семья из Цзинду хочет спонсировать деревню Пхеньян! Через несколько дней они приедут, чтобы обсудить ремонт дороги и строительство нового учебного корпуса!

У Чэнь Ихуань были глаза с миндалевидными разрезами, круглые уголки глаз слегка вытянуты вверх, а ресницы — густые и длинные. Хуан Ваньтин вечно завидовала ей, считая ее точь-в-точь как того большого белого гуся, которого староста привязывает у ворот.

Чище и красивее любого человека, а наивный взгляд вечно заставлял детей задерживаться рядом подольше.

— Ваньтин, ты прибежала из такой дали только ради того, чтобы рассказать мне об этом? — белые, словно слоновая кость, пальцы Чэнь Ихуань были чуть коротковаты, из-за чего ей с трудом удавалось удержать пачку контрольных. Длинные волосы она закинула за уши, обнажив светлые брови и прекрасные глаза.

Деревня Пхеньян хоть и мала, но в ней есть всё необходимое: пхеньянский детский сад, пхеньянская начальная школа, пхеньянская средняя школа, Старшая школа Пхеньян, пхеньянский супермаркет и пхеньянский рынок.

В начальной школе вечно не хватало учителей, а поскольку Чэнь Ихуань училась прекрасно и была тихой и послушной, на время летних каникул ее попросили помочь в школе с проверкой тетрадей.

Работы — от третьего до шестого класса — она проверяла уже целую неделю.

Хуан Ваньтин постучала по столу, недовольная тем, что подруга не разделяет ее восторга:

— Сюда же едут люди из самого Цзинду, почему у тебя такой вид?

Чэнь Ихуань опустила голову и, делая вид, будто ничего особенного не происходит, принялась ровнять стопку бумаг, а потом притопнула ногой:

— Люди из Цзинду — это забота старосты и остальных. Скоро придет учительница Ли собирать тетради, хочешь с ней поздороваться?

Ли Синь была кошмаром Хуан Ваньтин в годы ее учебы в начальной школе: та никогда не получала по математике оценки выше удовлетворительной. То же самое продолжилось и в средней школе. Стоило девушке мысленно представить гроыхающий звук тех убийственных каблуков, как она тут же сломя голову срывалась с места.

Цикады за окном трещали без умолку. В знойный летний день большой потолочный вентилятор в классе издавал глухой, гудящий звук. В деревне Пхеньян тех, кто мог позволить себе установить кондиционер, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

А за спиной старухи и матери семейства, стирающие белье у реки, неизменно сплетничали о пустой трате денег, мол, деревенские возомнили о себе и мечтают жить по-городскому.

Короче говоря, зависть аж зубы сводила.

Когда Ли Синь преподавала у Чэнь Ихуань в начальной школе, та всегда была первой ученицей в классе. На самом деле ее баллов за экзамены после девятого класса с лихвой хватило бы для поступления в уездную Первую среднюю школу.

Но поскольку Старшая школа Пхеньян полностью освободила ее от платы за обучение, она осталась в родных краях, вызывая у окружающих жалость и умиление.

В последнее время Ли Синь жила в учительском общежитии на территории школы. Одета в свободный спортивный костюм, она поправила очки в черной оправе и протянула руку в широкое окно, опуская что-то на подоконник:

— С чего это я пару минут назад слышала голос Хуан Ваньтин? Она заходила?

На столе осталась бутылка ледяной газировки, покрытая капельками росы. Учительница Ли всегда хорошо к ней относилась.

Брови Чэнь Ихуань слегка изогнулись, приобретя изящный и живой вид, и она словно улыбнулась:

— Ага. Она услышала, что какая-то семья из Цзинду собирается спонсировать Пхеньян, и теперь прыгает от радости.

Ли Синь тоже была в курсе и кивнула:

— Было дело. Учителя-волонтеры разъехались, оставив после себя гору нерешенных дел, и Ли Синь, собрав проверенные стопки контрольных, тоже ушла.

Летний ветерок обдавал жаром, стоило выйти из класса наружу, где палил немилосердный солнцепек. Ее зонт был куплен на рынке в Пхеньяне всего за десять юаней, но им почти не пользовались.

Хуан Ваньтин любила покрасоваться: солнцепечный зонт, купленный ей отцом в городе, пестрел яркими красками и был очень большим. Когда они шли вместе, она категорически запрещала Чэнь Ихуань пользоваться своим зонтом.

— Эй, Чэнь Ихуань. — Едва она переступила порог школьных ворот и небрежно бросила смятый комочек бумаги, как за спиной раздался знакомый голос. Она обернулась и увидела, что в тени у стены стоял Лю Цишань.

Он шел к ней с видом человека, испытывающего раздражение: короткая растрепанная челка, четко очерченные черты лица, тонкие губы, выцветшие от частых стирок джинсы.

В деревне Пхеньян он уже давно слыл настоящим кумиром, и старшеклассницы из Старшей школы Пхеньян порой пересекали весь школьный квартал целиком, лишь бы взглянуть на него.

К тому же он был сыном сельского старосты, а с Чэнь Ихуань они просидели за одной партой все три года средней школы.

Она думала, что их пути больше никогда не пересекутся, но накануне экзаменов в старшую школу классный руководитель на повышенных тонах вещал с возвышения.

Кто-то ткнул ее в руку ластиком на обратной стороне карандаша.

Чэнь Ихуань повернула голову и увидела, что Лю Цишань, едва шевеля плотно сжатыми губами, произнес так, чтобы услышали только они двое:

— Я поступлю в Первую старшую, а ты?

На парте до сих пор красовалась проведенная прошлым поколением учеников черта — граница между половинами, а рядом виднелись вырезанные ножом бранные слова.

Воротник рубашки Лю Цишаня всегда был самым аккуратным и чистым, а когда он говорил это, его щеки слегка залил румянец.

Ногти Чэнь Ихуань были подстрижены аккуратно, словно маленькие ракушки. По мнению Лю Цишаня, даже когда она держала ручку столь короткими пальцами, было заметно, как она усердно напрягала руку — упрямая и серьезная, прямо как ее хозяйка.

Она пробормотала в ответ:

— Обучение в Первой старшей слишком дорогое, я туда не пойду. К тому же еще неизвестно, смогу ли вообще сдать экзамены.

Лю Цишань хотел было что-то возразить, но как раз поймал на себе дружелюбный, напутственный взгляд классного руководителя и проглотил слова.

Он-то пытался сказать Чэнь Ихуань, что в Первой старшей есть пособия для учащихся из бедных семей и ее баллов с лихвой хватит для подачи заявления.

Уведомления о зачислении в Первую старшую приходили общим пакетом в сельский комитет, и Лю Цишань, отправившись за ними спозаранку, обнаружил в ящике всего два конверта.

Вскрыв их, он увидел: один — на имя Лю Цишаня, второй — Юань Сяюй, а для Чэнь Ихуань ничего не было.

Еще не успевшая распусться улыбка увяла. Узнав, что в последнее время она помогает учительнице Ли проверять работы в начальной школе, он прождал несколько часов под палящим солнцем, из-за чего на душе скребли кошки.

— Почему ты не подавала заявление в Первую старшую? — Полагая, что между ними достигнуто взаимопонимание, он испытал настоящий удар под дых, словно над ним жестоко подшутили, и слегка вздернул подбородок.

Со всеми он держался отстраненно, и тот давний разговор Чэнь Ихуань поначалу приняла за поручение старосты, поскольку тот всегда хорошо к ней относился.

— Потому что у меня нет денег. — Причина звучала весомо и прямо: она была сиротой, к тому же стипендианткой на попечении благотворителей.

— В Первой старшей могут освободить от платы за учебу, я же говорил...

— От платы за учебу освободят, а как насчет проживания? — Чэнь Ихуань упорно смотрела на него не мигая, в ее глазах читалось дно прозрачного колодца, холодное и ясное до конца. — Жить мне негде, за общежитие тоже нужно платить, не говоря уже о трех разовых приемах пищи. Люди в деревне помогают мне с пропитанием и одеждой, как я могу утруждать их и заставлять ломать голову над тем, чтобы добыть для меня деньги?

Не привыкший к столь резким, веским и звенящим словам, Лю Цишань потерял дар речи и выпалил:

— Я могу тебе помочь...

У тревожно замерших школьных ворот Чэнь Ихуань подняла на него взгляд, в котором отразилась растерянность юноши:

— С какой стати мне принимать твою помощь?

Бумажный комочек, подхваченный озорным ветром, покатился-покатился и замер у ног Лю Цишаня, а Чэнь Ихуань была уже далеко.

<http://bllate.org/book/22133/2306001>